

ДИСКРЕТНЫЙ РАССКАЗ

Командировка. Четыре месяца! Ленинград. Пулковский аэропорт. Панорама величественного скопления геометрии. Шпиль Петропавловки в тумане. Васильевский остров – место обитания и учёбы. Факультет повышения квалификации. Во дворе пивнушка. Благодать! Разновозрастные группы. Женщины, как говорил один мой товарищ, не фонтан. Декан – прилизанный мужик. Кандидат наук. Не громко. На других факультетах доктора.

Общежитие интернациональное. Кавказцы, африканцы, кубинцы. В нашей комнате шесть душ. Говорят, раньше здесь был дом терпимости. А сейчас? Посмотрим. Над нами живёт потомок Чингизхана. Монгол Батыр. Угощал своей водкой. Вкус отвратный, вонища, как от плохой самогонки.

Вечером знакомства. Утром лекции. Товарно-денежные отношения. По выходным дням – магазины. Посылка фруктов на родину. Там шаром покати.

Проминажи. Исаакиевский собор. Маятник Фуко. Дворцовая площадь. Медный всадник. Фальконе. «Петру прима Екатерина

секунда». Эрмитаж, то бишь Зимний дворец. Был около десяти раз. На экскурсиях и самостоятельно. Люблю быть в одиночку. Буфеты, туалеты. Удобно. Запомнились мумии, алтайская ваза.

Музеи, мемориалы, дворцы. Город оброс ими, как пень опёнками.

По вечерам опять общага. Начались белые ночи. Опоздал. Мост развели. Метро. Глубина ужасающая. Комендант – блокадница. «Садись. Покурим. Пьяный? Трезвый! Пробовал блокадный хлеб? А человечину? Иди спать!»

Лекции. Учёные на халявке. Говори или молчи – время идёт. Суббота. Два «Икаруса». Темы экскурсий: «Пушкинские места», «Архитектура». Мойка – 12. Чёрная речка. Стела – место дуэли.

Лицей. Зал. На стене картина: Г. Державин склонил дряблкое лицо. Слушает юного А. Пушкина. Огромный стол. На зелёном сукне ведомость успеваемости будущего классика. По русскому языку «Три». Монгол – как хвост: «Учусь говорить по-русски. Терпи». – «Давно тут?» – «Второй год. Наш университет, теперь тут университет». – «Как без жены?» – «Укол

ставлю» – «А когда вернёшься к жене?» – «Другой укол поставлю. А ты хочешь себе укол?» – «Нет». – «Тогда терпи!» – «Ты что – монах? Или как там у вас – лама?» – «Нет. Наш бог Будда. Я буддист. В гости приедешь, ходим в пагоду. У нас поэты, художники есть. Культура есть». – «Хорошо. Подумаю».

Парголово. Пенаты. Дом Репина. Стекланный потолок. Реквизиты для картины «Письмо турецкому султану». Вокруг – красота. Письмо в подлиннике. Забористо. Опять Эрмитаж. Музеи Суворова и Пирогова. Огромные фотографии военных лет. Абажур из человеческой кожи. Ужас! Комок в горле. Пискарёвский мемориал. Музыка. Дневник Тани Савичевой. Выставка рисунков Нади Рушевой. Листы ватмана. Силуэты. Как жил, не зная этого? Теперь предстоит жить иначе. Литобъединение на Васильевском. Словесная эквилибристика. Мاستитые пустозвоны. Смольный. Квартира Ленина. Потом Разлив. Шалаш. «Аврора». Всё искусственно.

Квартиры Шалапина, Достоевского и др. Щедринская библиотека. Почти каждый вечер там. Встречи «У Катьки» (Памятник Екатерины второй). Забегаловки на Охте. Толпы возле Смольного. Разноязыкая речь. Купола Растрелли. Выставка Фаберже. Зал Пикассо в Эрмитаже. Уроды. Не хотел бы, чтоб они ожили.

Бастионы Петропавловки. За ними холодно и тяжело плещется Нева. Казематы. Грохнула пушка. Полдень. Царские гробницы. Ростральные колонны на стрелке. В праздники горят, как свечи. У подножий гигантские фигуры, олицетворяющие мощь четырёх великих рек России.

Комарово. Холодные, с металлическим отливом волны залива. Мокрые валуны. В бору кладбище. Кирпичная стенка и крест на могиле Ахматовой. Делали студенты. Была под опалой. А кто не был? Только двуличники.

В детстве вырубал удилище. Саданул ножом по безымянному пальцу левой руки. Волной накатился страх. Обёрнул раненый палец шершавым листом лопуха. И замер на месте. Тело сковал страх одиночества. Ни с кем эту боль не поделишь. Ни с мамой, ни с братьями, ни с друзьями. Она только твоя. И все другие в будущем. Ты всегда – один перед ними. Перед самим собою. Тебе больно, страшно или стыдно.

Ты один перед всем миром.

Человек рождается и умирает в одиночестве.

Вспомнилось. Вся молодость прошагала с рюкзаком за плечами. С ледорубом в руках. Переправы через горные реки. Переходы через заснеженные хребты. Гул водопадов и лавин. Усвоил основательно одно. Там разноликая группа превращается в монолит. Симбиоз. Жизнь всех зависит от каждого. Жизнь каждого от всех.

Господи! Как всё близко! Как всё далеко! Уходил с головой в сферу того времени. Но ты сегодняшний состоишь из других молекул. Ты чужой.

Подъём на вершину перевала. Камни летят в пропасть. Идущий впереди то и дело кричит сверху: «Берегись! Камень!». Надо быть ответственным. Иначе можно обрушить «камни» на головы идущих ниже. Власти должны знать это. У нас ведь то и дело: «Хотели как лучше, а получилось...»

СЛОВО О СОСНАХ

Нам, бийчанам, повезло с природной средой. Луга, река, бор. Всё рядом. Только вот природе не повезло с нами, хозяевами этих прекрасных мест. Не повезло с нашей ответственностью и культурой отношения к окружающей природной среде. Живём, как потребители, по принципу – после нас хоть трава не расти. Вот несколько примеров такого отношения.

Наш бор является частью уникальных ленточных сосновых лесов на Алтае. Полоса этих лесов тянется вдоль Бии и Оби на сотни километров. А ширина разная. Возле нашего города – не более пяти – шести километров.

Этот бор для нас очень важен и жизненно необходим, потому что оберегает нас от ядовитых выбросов химических производств. Не будь этой защиты, мы бы давно уже задохнулись от рукотворной вони. Спасибо соснам, они берегут нас. Но мы их не бережём. За городскими окраинами бор всё более превращается в свалку. Кучи мусора, количество которых с каждым годом увеличивается, вызывает уныние и тоску. И вырубаются он, родимый наш хвойный уникум, беспощадно. Зимой и летом, днями и лунными ночами. Стоит только подальше отойти от города в глубь леса, обязательно услышишь звук пилы, топора и грохот падающих деревьев. Если всё делается по закону, то зачем он нам, такой закон, позволяющий крушить всё подряд, оставляя после себя пустыню? Это никак не способствует успеху борьбы с онкологией и туберкулёзом бийчан. Будто оккупанты у нас бал правят...

А в бору так легко дышится и думается! Сосны – деревья стройные, высокие, певучие, с золотым отливом. Ещё они приветливы, каждому руки свои протягивают. Да не все идут к ним с добрым сердцем, чаще с топором да ружьём автоматическим. Прошлым летом опять слышал в бору стрельбу. Палили одиночными выстрелами и очередями. Здесь всё живое берут на мушку. Потому пуст наш лес. Ни зверушек, ни птиц певчих. Кроме дятлов и воронов – ни одной живой души. Ходишь, как по кладбищу. А были белки и бурундуки, зайцы и лисы, совы и филины. Были подснежники и огоньки в берёзовых рощах. Была турбаза «Алтай», мощный спортивно-оздоровительный комплекс, обслуживающий тысячи туристов со всех республик огромной страны. Сейчас остались одни развалины. Когда-то я работал там инструктором и с фанатами горных круч брал снежно-ледовые перевалы. На глаза наворачиваются слёзы, когда смотришь на останки былой романтики и туристической славы нашего города. И задаёшься опять шукшинским вопросом: Что с нами происходит?

Выйдем из леса и пройдемся по берегу нашей Бии вниз по течению за понтонным мостом. Огромный пойменный луг облюбовали для своих соревнований юные авиамodelисты, а берег реки – отдыхающие горожане. В жаркую летнюю пору по выходным дням весь берег заставлен машинами. Здесь жарят шашлыки, купаются и загорают семьями. Хорошо, но не всё. Люди не привыкли убирать за собой мусор.

Дети вырастут и будут поступать так же. Берег завален пластиковой посудой, бытовыми отходами. Такого безобразия даже рыба не обожает и почти не клюёт там.

Но оторвём взгляд от куч вонючих отбросов и посмотрим по сторонам. Вокруг – природа редкой красоты. Вдали проступают синеватой грядой горы, а с восточной стороны выходит край бора. Сосны не любят пойменных мест, вот и остановились они у древнего речного берега на самом яру, где шумит Смоленский тракт. Сосновые стволы светятся, будто рассветная заря

опустилась на них, а не растаяла в небе.

Некоторые думают, что если они сами не браконьерствуют в лесу, то их не касаются проблемы экологии. Нет, никто из нас не уйдёт от ответственности за уничтожение лесов и убийство рек. Все будем отвечать своим здоровьем, здоровьем своих детей и внуков.

Действенная защита окружающей природной среды у нас становится делом всё более безотлагательным. Иначе придётся ставить свечку в храме за упокой последних сосен нашего уникального бора.